

— Пуишечка, детка, ну подожди еще минутку! Сейчас тебе принесут твою любимую ореховую трубочку! — проворковала Лола, почесав за ухом своего крошечного песика древней мексиканской породы чихуахуа. — Эта официантка действительно еле шевелится! Ее только за смертью посылать!

Песик не хотел ждать, он соскочил со стула и зализал требовательным лаем.

— Безобразие! — подала голос молодая женщина из-за соседнего столика, — С каких это пор в «Гурман» пускают собак? Скоро сюда начнут пускать дрессированных медведей! Приличному человеку здесь просто нечего делать!

— Где вы видите собаку? — привычно возмутилась Лола. — Если это — собака, то я — Алла Пугачева!

— А кто же это — карликовый носорог? — не унилась незнакомка.

— Это ангел! — воскликнула Лола, подхватила своего песика и поцеловала его в нос. — Это настоящий ангел, который каким-то чудом оказался на этой грешной земле!

— Ольга? — вдруг проговорила скандальная дама совершенно другим тоном. — Чижик-пыжик, никак это ты?

— Дашка? — Лола удивленно уставилась на собеседницу. — А я-то думаю — что за голос знакомый! Ну, тебя просто не узнать!

Действительно, в эффектной блондинке с пышными волосами трудно было узнать ее прежнюю подругу. Нет, Дашка Водопоева ни грамма не прибавила в весе, этого Лола при всем желании не смогла бы сказать. Однако лицо ее и фигура претерпели значительные изменения.

«Губы, — поняла Лола, — и еще, кажется, бюст... Веки подтянула?.. Да нет, пожалуй, просто удачный макияж...»

— Ты сделала губы? — осведомилась она.

— Ну да, — Дашка вытянула в трубочку пухлые, как у Анджелины Джоли, губы, — но это уже давно. А вот, — она выпятила грудь, — как тебе нравится?

— Не слишком много? — осторожно спросила Лола.

— Ну... Чижова, ты просто завидуешь! — рассмеялась Дашка.

Официантка наконец принесла заказ, Дарья пересела за Лолин столик, мимоходом сделав Пу И «козу», на которую тот никак не отреагировал.

— Слушай, как хорошо, что я тебя встретила! — болтала Даша. — Ты пропала куда-то, совершенно ни с кем не общаешься, телефонов ни у кого твоих нету...

— Ну да, ну да... — рассеянно отвечала Лола, пытаясь обернуть свое четверолапое сокровище бумажной салфеткой. Сегодня на песике был надет новый костюмчик, который Лола совсем недавно купила

ему в специальном собачьем бутике, и ей вовсе не улыбалось стаскивать потом с Пу И измазанную крошками и кремом половую тряпку. Песик пробовал протестовать, однако Лола была настойчива, тогда Пу И куснул ее легонько за палец.

— Немедленно прекрати хулиганить! — рассердилась Лола. — А то уведу тебя!

«Ага, как же...» — сверкнули черные глазки.

— Слушай, оставь его в покое и послушай меня! — Дашка повысила голос. — Ты мне нужна! Будешь подружкой на моей свадьбе!

— Как это? — удивилась Лола. — Ты ведь уже замужем...

— Это ты который раз имеешь в виду? — прищурилась Дашка. — Первый или второй?

— А-а... такой был мальчик... худенький, в очках... что-то такое проектировал...

— Ой, это Вася, мой первый! Ну, нашла, о ком вспоминать, Васька — это была досадная ошибка моей юности. Чего не сделаешь в девятнадцать лет родителям назло? Мы продержались года три, и сама не устаю по этому поводу удивляться! Знаешь, он все время проектировал! Он вечно сидел за своим компьютером... совершенно не о чем было с ним говорить... ну, в общем, это неважно. Потом я вышла замуж за Геннадия, ты его должна знать...

— Кажется, я застряла на первом... — смущенно призналась Лола.

— Гена Малахов, футболист, про него много писали в свое время!

— А с футболистом было о чем говорить? — удивилась Лола.

— А с ним некогда было говорить, он все время то на тренировках, то на сборах, то на чемпионатах... Очень удобно — вроде бы муж есть, а совсем не мешает...

— Отчего же ты с ним развелась? При такой-то вольной жизни?

— Ох, в том-то и дело, — вздохнула Даша и рассеянно отломил кусочек ореховой трубочки.

Пу И, заметив такой грабеж среди бела дня, надулся и тихонько рыкнул, однако не только злоумышленница, но даже и Лола не обратили на него внимания — так были увлечены разговором.

— Понимаешь, Геннадий оказался патологически ревнив, — призналась Даша, — он дошел до того, что выписал из какой-то Тьмутаракани свою мамашу, чтобы она стерегла меня, пока он в отлучках.

— Ну надо же... — протянула Лола только для того, чтобы вставить реплику.

— Пришлось решить вопрос кардинально, — вздохнула подруга, — ну, сама посуди, молодость проходит, а я сижу в четырех стенах в обществе старей гримзы, куда это годится? И тут как раз мне подвернулся Стасик, это судьба, понимаешь?

— А он кто?

— Бизнесмен, что-то там производит, какое-то техническое оборудование, — отмахнулась Даша, — главное — он меня обожает, во всяком случае, пока. Совершенно не жалеет денег, готов удовлетворить любое мое желание, представляешь? Нет, определенно, Стасик — это моя судьба! Во всяком случае, на ближайшие несколько лет... Свадьба через две недели, у меня дел просто невпроворот, а тут ты пропала с концами!

Лола хотела деликатно поинтересоваться, за каким бесом она так до зарезу понадобилась старой подруге. Хоть они и были раньше дружны, но, судя по тому, что Лола упустила из вида Дашкино второе замужество, они не виделись года два, не меньше. Вот именно, примерно два года назад Лоле пришлось кардинально изменить свою жизнь, и прежние знакомые и подруги как-то отодвинулись на дальний план.

— Чижик, ты мне просто необходима! — разливалась Дашка. — Будешь подружкой невесты!

— У тебя что — не хватает народа? — Лоле не удалось скрыть своего недовольства, однако Дашка ничего не заметила.

— Народу-то у меня на свадьбе будет навалом, но все уже замужем. А букет невесты полагается ловить незамужней, иначе какой смысл его бросать?

— Да, действительно. — Лола все же была актрисой, поэтому заставила себя не измениться в лице. Она посмотрела на подругу незамутненным взглядом и сложила губы в приветливую улыбку. Впрочем, Дашка опять ничего не заметила, она была поглощена своими делами.

— Значит, с тобой мы договорились — ух, прямо гора с плеч! Время уже назначено, лимузин заказан, оркестр тоже, съемка, банкетом занимается Стасик...

— А банкет где будет — на корабле, что ли?

— На корабле?! — Даша выпучила глаза, как будто Лола сказала что-нибудь неприличное. — Кто сейчас устраивает свадьбы на корабле? Это каменный век, глухая провинция! Ты бы еще сказала — в ресторане! Сейчас все сколько-нибудь продвинутые люди устраивают свадьбы только в музеях!

— Где? — На этот раз Лола выпучила глаза от удивления, и даже Пу И перестал дуться и наострил уши. — В каких музеях?

— Ну, в каких — это отдельный вопрос, — протянула Водопоева, не совсем верно поняв подругу. — Все зависит от возможностей... конечно, хорошо бы в Эрмитаже, но это мало кому под силу... разве что кому-нибудь, кто сидит на нефтянке... кроме того, сейчас, после разыгравшегося там скандала, они не идут ни на какие переговоры... боятся, что гости что-нибудь побьют или растащат. А в других музеях вполне можно договориться, и цена вопроса вполне приемлемая... вот, например, Люська Веретенникова свою вторую свадьбу устроила в Военно-морском музее. Ее жених как-то связан с флотом, вот они и решили, что это будет стильно. Ну, конечно, пришлось сделать евроремонт в паре кабинетов, и музей пошел навстречу... А Марго Свистунова гуляла в музее Арктики и Антарктики. Тоже ничего, в разгар свадьбы невесту спрятали в вагончике Папанина, так жених прямо обыскался!

— А вы-то на каком музее остановились? — осторожно поинтересовалась Лола.

— Сначала хотели в артиллерийском, но я подумала, что все мужчины будут отвлекаться на экспонаты. Ты же знаешь, они буквально как дети — просто тащатся от оружия! И мой Стасик в этом смысле не исключение. Забудет, зачем пришел! Так что этот вариант я отвергла, и сейчас мы со Стасиком остановились на Зоологическом музее.

— Круто! — восхитилась Лола.

Пу И, который внимательно прислушивался к разговору подруг, восхищенно твякнул — видимо, ему тоже понравилась идея с Зоологическим музеем.

— Думали еще о музее восковых фигур, — продолжала Водопоева. — Ну, знаешь, в особняке Кшесинской... музей политической истории. Но представили, что гости будут блуждать среди всех этих политиков и революционеров... идешь себе по залу и натыкаешься на Карла Маркса или на Фанни Каплан с револьвером... бр! И официанты будут путать гостей с экспонатами... предложат Троцкому бокал сухого мартини...

— Да, действительно, звери как-то позитивнее! — поддержала подругу Лола.

— Да, и опять же, много пушных... с ценным мехом... — промурлыкала Даша. — Это будет вызывать приятные ассоциации...

Она взглянула на часики и в ужасе подскочила:

— Боже мой, я с тобой заболталась, а у меня на три запись к Вениамину!

— К кому? — нервно переспросила Лола.

— Ты что, не знаешь Вениамина? — несколько свысока осведомилась Даша. — Ну парикмахер, самый знаменитый!

— Ах, этот! — поспешно вставила Лола. — Конечно, я его знаю... кто же его не знает!

— Конечно... — согласилась Даша. — Я к нему записывалась за три месяца, так что никак нельзя опаздывать! Просто невозможно! Чао! И не забудь, ты непременно должна быть на моей свадьбе, иначе кто же будет ловить букет?

С этими словами она вылетела из кафе, прыгнула в двухместную дамскую «БМВ» и умчалась в голубую даль.

Лола поглядела вслед машине и расслабила мышцы лица, до этого сведенные в постоянную улыбку. Пу И боднул ее головой в живот, умильно глядя на недоеденную трубочку.

— Вот так-то, Пуишечка! — проговорила Лола, отламывая маленькие кусочки пирожного и скармливая их песику. — Кто-то выходит замуж третий раз, а кому-то остается только ловить букет! Мы с тобой чужие на этом празднике жизни!

Пу И, который в это время аппетитно хрустел ореховой трубочкой, не разделял грустных взглядов хозяйки, но на всякий случай сочувственно твякнул.

— Только ты меня понимаешь! — печально вздохнула Лола. — А Ленька, этот бесчувственный чурбан, этот грубый, эгоистичный, самовлюбленный, как все мужчины, тип, совершенно не интересуется моими чувствами и надеждами!

Леонид Марков, более известный под аристократической кличкой Маркиз, действительно в этот момент не думал о чувствах и надеждах своей боевой подруги и верной соратницы по бизнесу. Он сидел в уютном загородном ресторане напротив аккуратного одетого мужчины лет тридцати и внимательно его слушал.

— Итак, — говорил Ленин собеседник, потирая переносицу. — Как я вам уже сказал, у моего отца было три сына. Двое старших — от законной жены, и я — от... любимой женщины. Папа был довольно

удачливым бизнесменом, проблем с деньгами ни у меня, ни у моих братьев никогда не было. И относился он к нам всегда очень хорошо, причем не делал разницы между мной и старшими. Может быть, ко мне он был даже больше привязан... знаете, младший ребенок...

— Ну да, ну да, — поддержал его Маркиз. — Последняя попытка... все такое...

— В этом году отца не стало, — продолжал собеседник. — Семейный юрист огласил его завещание... честно говоря, я был немало удивлен. Старшему брату, Валерию, он оставил свою фирму, второму, Сергею, — прекрасный загородный дом в Комарове, на берегу озера, а мне...

— Кота? — подсказал Маркиз.

— Кота? Почему кота? — недоуменно переспросил мужчина. — Нет, мне он оставил карманные часы...

— Золотые? С бриллиантами? — уточнил Леня. — Работы Фаберже?

— Нет, довольно скромные часы. Серебряные, с музыкой...

— Обидно! — протянул Маркиз. — Надо думать, вы рассчитывали на большее?

— Да уж... — его собеседник наклонил голову, — как вспомню свое тогдашнее состояние... Часики и письмо на память...

Михаил вышел от нотариуса в отвратительном настроении.

Дорогой папочка умудрился с того света плюнуть ему в душу. И ему, и его матери. Вся его родитель-

ская любовь оказалась пустым звуком, сплошным лицемерием!

Впрочем, мама не слишком расстроится, она давно уже вышла замуж и выбросила своего прежнего возлюбленного из головы и из собственной жизни. И он, Михаил, очень ее понимает. Он и раньше ее понимал, десять лет назад, когда она, смущаясь и отводя глаза, привела в их маленькую квартирку высокого мужчину с обветренным красным лицом и крупными рабочими руками.

Первое впечатление было отталкивающим. Михаил не мог себе представить их вместе. Его мать — умница и красавица, тонкая художественная натура — и этот мужлан, что у них может быть общего? Наблюдая исподтишка, как мать льнет к этому незнакомому типу, как переглядываются они, вспоминая о чем-то своем, только им памятном и понятном, Михаил пришел в совершенную ярость и, как скверный мальчишка, наябедничал отцу.

До сих пор его бросает в жар от стыда за содеянное! И ведь не ребенок уже был, в институте учился! Отец к тому времени приходил к ним домой крайне редко, они с Михаилом встречались на стороне. Он, конечно, давал деньги на жизнь, но для себя мама ничего не просила.

После их разговора отец явился к ним, выбрав время, когда она была одна. Михаил, вернувшись из института, застал отголоски скандала. Отец кричал срывающимся голосом что-то насчет того, что он не намерен содержать маминых любовников. Михаил оскорбился за мать, но вспомнил, что он и сам в этой истории выглядел отвратительно.

Мама молчала, как и всегда. Она никогда не упрекала отца, что он, в общем-то, испортил ей жизнь. Девчонкой она полюбила женатого человека на двадцать лет старше себя, поверила всем его обещаниям, родила сына. Ей пришлось бросить учебу в «Мухинке» и запереться в крошечной двухкомнатной квартирке, которую отец выхлопотал, пользуясь своим высоким по тем временам положением. Если бы не ребенок, она могла бы достичь многого, у нее признавали талант. Однако зарабатывала она на жизнь расписыванием пасхальных яиц, детские годы Миши ассоциируются с едким запахом лака.

Они, конечно, не бедствовали, отец давал деньги на его воспитание, но мама всегда была с ним одна. А ведь ей, когда родила, было всего двадцать лет...

Отец ушел рассерженный, Михаил на коленях долго просил прощения у матери. Она рассеянно гладила его по голове и думала о чем-то своем.

Через несколько дней она показала сыну новенькое свидетельство о браке. Втроем они выпили бутылку шампанского, после чего молодые отбыли на постоянное местожительство в область. Муж мамы оказался мастером на все руки. По прошествии некоторого времени он выстроил хороший деревенский дом, потом продал его и на полученные деньги построил очень красивый коттедж. Мама обставила дом с присущим ей художественным вкусом, занялась садом и выглядела абсолютно счастливым человеком.

Михаил помирился с отцом, но денег на жизнь с тех пор у него не брал, перебивался случайными заработками, пока не закончил институт. К старости отец стал как-то мягче, человечнее, часто бывал

у него, говорил, что виноват перед его матерью и что сыну своему он оставит хорошее наследство. Михаил отмалчивался, но в глубине души привык к этим разговорам.

Жена отца к тому времени умерла, двое старших сыновей имели свои семьи, невестки свекра не слишком привечали, внуков у него не было.

У младшего сына ему никто не мешал — Михаил был одинок. Он слишком хорошо помнил свое детство, когда старухи во дворе, глядя на них с матерью, поджимали губы, когда папа приходил два раза в неделю по вечерам, а в выходные и праздники они снова оставались одни. Он не хотел такого для своих детей, стало быть, жениться нужно раз и навсегда. Однако что-то не попадалось на его пути такой девушки...

И вот теперь выяснилось, что отец обманул его так же, как в свое время обманул маму. Старшему брату — налаженное дело, среднему — большой каменный дом в престижном пригороде, а ему — дурацкие часы с музыкой! Пускай, мол, дурачку память будет о папочке, больше ему ничего и не надо...

Особенно раздражало показное сочувствие старших братьев, тот насмешливый взгляд, которым они обменялись, увидев эти чертовы часы, и то презрительное, покровительственное выражение, с которым они, не сговариваясь, взглянули на Михаила!

— Если тебе что-то понадобится — обращайся! — высокомерно проговорил старший, Валерий. — Мы же как-никак твои братья!

При этом настоящие мысли отчетливо читались на его лице: так тебе и надо, ничего большего ты не

заслуживаешь! Достаточно ты при жизни отца попортил нам кровь, достаточно попользовался нашими семейными деньгами!

Выйдя на улицу, Михаил огляделся по сторонам. Возле самого подъезда он увидел мусорную урну и под влиянием накопившегося раздражения выбросил в нее нераспечатанное отцовское письмо. Что там может быть, кроме нудных нравоучений?

«Дорогой сын, хочу сказать тебе напоследок, что жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» — и так далее на трех страницах...

Эх, папуля, не учи жить, лучше помоги материально!

Но, очевидно, нажитые непосильным трудом материальные ценности папочка сумел разделить только на двоих.

Ну и ладно, и так проживем! Михаил не хотел больше слышать об этом человеке, решил раз и навсегда вычеркнуть его из своей памяти.

В этом месте рассказа внимательно слушавший Маркиз мысленно поднял брови. Ну кто же выбрасывает важное письмо, не читая? Обидно, конечно, что наследства не досталось, все надежды на богатство рассыпались в прах, однако нужно уметь держать удар. И уж письмо покойного отца не проглядеть хоть мельком — это чересчур... Может и правда, как в сказке «Было у отца три сына, два умных, а третий, младшенький, — дурачок?»

Однако внешне Леня никак не показал своего отношения к собеседнику и тот продолжил рассказ.

Прошло несколько дней, и ему срочно потребовались деньги. Он попал в ДТП, разбил свою машину и чужую, нужно было расплатиться. Раньше с такими вопросами Михаил обратился бы к отцу, теперь нужно было выкручиваться собственными силами. Сколько-то он занял у друзей, но этого все равно не хватило.

И тогда он вспомнил об отцовских часах.

«Вот и хорошо, — мелькнула у него мстительная мысль. — Отделаюсь от этих дурацких часов, и больше ничего не будет напоминать об отце...»

На самом деле он хотел забыть не столько об отце, сколько об унижении, пережитом в кабинете нотариуса. О насмешливых взглядах старших братьев, о злорадном шипении невесток.

Короче, Михаил отправился в комиссионный ювелирный магазин.

Оценщик, лысый тип лет сорока с густыми черными бровями, взвесил часы на руке, открыл крышку, с недовольной миной выслушал мелодию и бросил часы на стол с такой брезгливостью, как будто это была бледная поганка или гнилая картофелина.

Он взглянул на Михаила с удивительно знакомым высокомерием (невольно вспомнился кабинет нотариуса и усмешка на губах старших братьев) и назвал смехотворно низкую цену.

Михаил попробовал возмутиться, но оценщик пожал плечами.

— Не устраивает цена — поищите другое место. Вольному воля. Во всяком случае, я вам больше дать не могу, сейчас такие вещи не пользуются спросом.

Хотя Михаилу хотелось отделаться от часов, но названная сумма никак не решала его проблем, кроме того, наглость оценщика его возмутила, и он вышел из кабинета, забрав свои часы.

Возле дверей магазина к нему подошел невысокий сухонький старичок с удивительно светлым, благочестивым лицом и прозрачными голубыми глазами прирожденного мошенника. Взяв за локоть, он отвел Михаила в сторону и вполголоса проговорил:

— Исключительно из симпатии и сочувствия к такому интеллигентному молодому человеку могу предложить вам хорошую цену... из человеколюбия, себе в убыток...

И он предложил за часы почти вдвое больше той суммы, которую назвал оценщик.

Уже потом, дома, Михаил понял, что они с оценщиком работают в паре. Иначе откуда старичок мог знать, что именно принес молодой человек на продажу? Но в тот момент, у дверей магазина, он только прикинул, что предложенных старичком денег как раз хватит, чтобы расплатиться за аварию, и отдал ему часы.

Отдал, чтобы забыть о них навсегда.

Но не тут-то было.

Прошло еще несколько дней, и у него в квартире зазвонил телефон.

Позвонивший представился (его фамилия прозвучала не слишком разборчиво, и в любом случае она ничего Михаилу не говорила) и вкрадчивым голосом проговорил:

— Позвольте выразить вам мои искренние соболезнования... весьма сочувствую понесенной вами

утрате... я близко знал вашего батюшку и всегда относился к нему с уважением...

Здесь незнакомец сделал паузу, ожидая, должно быть, благодарности, но Михаил безразлично промолчал, и тот продолжил:

— Я знаю, что вам достались от отца карманные часы. Не хотите ли продать их? Я понимаю, это память об отце и все такое, но я готов заплатить за них очень хорошие деньги...

И он назвал сумму, вдесятеро большую той, за которую Михаил продал часы.

— Дело в том, — поспешно добавил собеседник. — Дело в том, что мне хотелось бы иметь что-то на память о своем покойном друге. А поскольку я человек вполне обеспеченный, я могу заплатить за свои прихоти, даже совершенно пустяковые...

Михаил не поверил в такое объяснение. Впрочем, мотивы незнакомца его мало интересовали. Честно говоря, в первый момент он просто расстроился, что продешевил. И не хотел признаваться в этом совершенно незнакомому человеку.

Поэтому он ответил с достоинством, что не собирается ни за какие деньги расставаться с памятью о своем отце.

— Что ж, — со вздохом отозвался незнакомец. — Я вас понимаю и уважаю ваше решение, надеюсь, вы передумаете, я позвоню вам еще.

Михаил повесил трубку.

От этого разговора у него остался какой-то неприятный осадок. Мало того что он продал часы задешево, но сам разговор показался ему странным. Собеседник как будто что-то скрывал или недоговаривал,